

Чэнь Цзин стояла чуть поодаль — не вмешивалась, не суетилась, терпеливо ждала, пока у Гао Кэюнь выгорит самый яркий, самый шумный приступ ярости. Лишь когда в комнате стало слышно не только звон разбиваемых вещей, но и тяжёлое, сбивчивое дыхание, она приблизилась и произнесла будто бы спокойно, будто бы рассудительно:

— Это всего лишь мусор и ничтожество. Ты правда считаешь, что он стоит того, чтобы так беситься?

Трудно было понять, что это — утешение или подливание масла в огонь. Потому что если Линь Луси — «мусор», то Гао Кэюнь, которую он только что размазал по рингу так, что она даже сопротивляться толком не смогла, выходит... ещё хуже мусора.

Гао Кэюнь, словно её ударили по больному месту, сорвалась мгновенно — настолько резко, что в её крике дрогнули нервы:

— А-а-а!!! Да заткнись ты, твою мать!!!

Едва успевшая улечься злость вспыхнула снова — ещё ярче, ещё горячее. Она уже перебила всё, что можно было перебить, и теперь переключилась на стены: начала молотить по ним кулаками, бум-бум-бум, с таким видом, словно не комнату крушит, а устроила здесь демонтаж под снос.

— У меня просто было плохое состояние! — выкрикивала она, хрипя от ярости. — Иначе как я могла проиграть Линь Луси?!

Чэнь Цзин не спорила и не возражала — только мягко, осторожно, будто ступая по тонкому льду, продолжила:

— Я, конечно, тебе верю. Но зрители — нет. А в сети... — она сделала паузу, подбирая слова, — сейчас о тебе пишут не слишком хорошо.

Стоило прозвучать слову «сеть», как Гао Кэюнь наконец чуть притормозила: как бы ни кипела кровь, имя, репутация, «лицо» для неё были почти священны.

— И что же там пишут? — спросила она уже тише, но в этом спокойствии чувствовалась натянутая струна.

Чэнь Цзин замялась:

— Э... может, тебе лучше не знать.

В ответ Гао Кэюнь, не колеблясь, метнула в неё осколок фарфора. Тот скользнул по щеке Чэнь

Цзин и оставил тонкий порез; на коже тут же выступила кровь.

— Говори! — прошипела Гао Кэюнь, и это «говори» прозвучало как приказ.

Чэнь Цзин, похоже, давно привыкла к подобным вспышкам. Она почти равнодушно стёрла кровь и, не меняя выражения лица, произнесла, словно зачитывая сводку:

— Пишут, что ты — «показушные приёмы», что на деле у тебя силы как у... слабачки. Ещё пишут, что тебя хвалят только из-за семьи, что твой талант зря пропадает.

Лицо Гао Кэюнь исказилось окончательно: ни намёка на «надменную богиню», ни тени прежней холодной красивой маски. Вся её ярость, вся эта бессильная ненависть мгновенно нашла удобную цель — Линь Луси. В глазах у неё горело так, будто она готова была поджечь мир, лишь бы обжечь его вместе с ним.

И Чэнь Цзин, уловив этот момент, негромко подбросила ещё одну мысль — тонко, почти ласково, так, как подбрасывают крючок рыбе:

— Но знаешь... если Линь Луси действительно внезапно стал сильнее, значит, там точно есть подвох.

Гао Кэюнь словно ожила — как будто ей внезапно протянули оправдание, за которое можно ухватиться обеими руками.

— Продолжай, — потребовала она, и глаза её блеснули.

— Говорят, есть препараты, которые на короткое время повышают силу, — сказала Чэнь Цзин.

Гао Кэюнь ухватилась за эту версию, как утопающий за доску.

— Вот! Конечно! Иначе как этот мусор мог вдруг меня победить?!

В этот момент запищал коммуникатор.

На экране высветился входящий звонок. Гао Кэюнь застыла, будто её ударили по затылку: злость — злостью, но перед этим человеком ей приходилось держать спину ровно. Она сглотнула и, натянув голос, приняла вызов:

— Папа...

Голос на том конце был ровный, холодный и тяжёлый — таким тоном не ругают, таким тоном

подводят итог.

— Сяо Юнь. Ты меня разочаровала.

Гао Кэюнь поспешила оправдаться, торопливо, словно боялась, что ей не дадут говорить:

— Меня подставили! Меня просто... обошли нечестно. Он — мерзкий, подлый — он выпил препарат, силой поднял показатели, поэтому я и...

Отец перебил её без усилия — одним коротким, жёстким движением голоса:

— Важно не то, пользовался ли противник приёмами. Важно то, что имя семьи Гао нельзя опозорить. Особенно сейчас, когда период ключевой. Ты понимаешь?

— Понимаю, папа, — быстро сказала Гао Кэюнь, выпрямляясь даже в одиночестве комнаты. — Я всё улажу. Я разберусь.

— Хорошо. И ещё: как продвигается дело с Юэ Синхэ? Ты сумела его привлечь?

На этом вопросе лицо Гао Кэюнь едва заметно дрогнуло. Юэ Синхэ был неподатлив — ни деньги, ни власть, ни красота не брали его, как будто он существовал в другой системе координат. Она не находила к нему ключа.

Но сказать правду она не могла. Два провала подряд — и отец сделает выводы. А там уже и ресурсы семьи начнут распределять иначе, и роль «любимицы» станет не такой надёжной.

— Всё идёт хорошо, — выдавила она.

— Вот и отлично.

Больше они почти не говорили: отец явно был занят. Ни одного лишнего слова — связь оборвалась.

Чэнь Цзин опустила глаза и едва заметно дёрнула уголком губ — так, будто ей вдруг стало смешно, но смеяться было нельзя.

— Эй! Чэнь Цзин! Ты что, оглохла?! — рявкнула Гао Кэюнь, и раздражение снова поползло наружу. — Я тебя зову, а ты стоишь как столб!

Чэнь Цзин подняла голову, и на лице у неё мгновенно появилась другая маска — послушная, «правильная».

— Что случилось?

Гао Кэюнь смерила её презрительным взглядом:

— Тупица. Если бы не я, тебя бы с твоей дурацкостью давно затоптали и презирали. Так что ты должна быть мне благодарна. Поняла?

Чэнь Цзин так сильно вонзила ногти в ладонь, что боль должна была бы прострелить до локтя — но вместо этого она улыбнулась и спросила тихо, почти ласково:

— Я всегда была благодарна.

— Вот так бы сразу, — удовлетворённо фыркнула Гао Кэюнь. — А теперь иди. У меня есть для тебя дело.

Глава 16. Турнир набирал обороты

Соревнования шли с жаром и размахом. Чем дальше продвигалось время, тем больше людей стекалось в столицу Земного Союза — волна за волной, словно город накрывал очередной прилив: шум, толпы, трансляции, ставки, новые сплетни, новые герои дня.

Линь Луси уже дошёл до полуфинала, а значит — его личная цель была выполнена. И, не желая слишком бросаться в глаза, он подал в администрацию заявку на отказ от дальнейших поединков.

Крис и Цинь Хао тоже остановились на стадии полуфинала. В результате из их четвёрки до финала дошёл один-единственный человек — Юэ Синхэ.

Впрочем, если смотреть объективно, в этом не было ничего стыдного. Турнир охватывал все четыре курса, а они четверо были «зелёными» первокурсниками — только-только поступившими новичками. Их настоящая арена — следующий турнир через два года. Но эти ребята были самоуверенными, упрямыми, да ещё и талантливыми, и поэтому умудрились дойти настолько далеко, что стали громкими именами: в последние недели к ним уже подтягивались предложения от разных корпораций и организаций, пытавшихся заранее «забронировать» перспективных молодых бойцов.

Только вот для первокурсников это всё было слишком рано.

Да и представьте, какой удар по самолюбию старших: если бы вся их четвёрка полезла в финал, куда бы дели лица третьекурсники и четверокурсники?

И всё же Юэ Синхэ шёл до конца — упорно, ровно, без срывов, вынося соперников одного за

другим чистой силой и талантом. В финальной десятке почти все были минимум со второго курса.

Юэ Синхэ оказался единственным первокурсником, пробившимся в финал.

В день финала у «яйца»-арены толпилось столько людей, что казалось — город пришёл сюда целиком. Из всех дней турнира атмосфера была самой горячей, самой плотной.

Это была последняя личная схватка — в финале оставалось десять бойцов. Высокие, длинноногие, красивые: парни — яркие, девушки — эффектные. Они одним своим присутствием будто подняли «средний уровень привлекательности» университета на ступень выше.

— Вау! Вот это да, это и правда Университет Союза! Какие все красивые! Что за рай? Учиться тут — счастье!

Кричали не только девушки. Парни тоже не успевали переводить взгляд, а их коммуникаторы щёлкали затворами: фотографии делались одна за другой — на память, «в коллекцию».

Когда подошла последняя группа финалистов, толпа сначала на секунду затихла — а потом взорвалась визгом.

— А-а-а-а! Красавец с золотыми волосами! Я снова умер, меня снова воскресили и снова убили!

— Быстро! Дайте мне дыхательный аппарат, я сейчас упаду!

И тут любопытная сцена: впереди остановилась красивая эльфийка — Элиза. Зрители ещё гадали, что она задумала, как увидели: она заговорила с идущим к ним золотистоволосым парнем, и даже лицо её стало мягче, не таким ледяным.

Красивые мужчина и женщина — вечная приманка для чужих языков. Люди мгновенно начали прикидывать: и внешность, и рост, и аура — всё «смотрится» вместе. Неужели пара?

Только успели расстроиться — мол, «едва подписались в фанаты, как уже разбили сердце», — как увидели другое: серебряноволосый парень, шедший чуть позади, сделал несколько быстрых шагов и вклинился между ними под предлогом разговора с Юэ Синхэ — вроде бы невзначай, а то ли намеренно, то ли нет.

И воздух мгновенно наполнился знакомым привкусом сплетен.

— Пойдите... это что, треугольник? Серебряноволосый тоже влюблён в эльфийку?

Команда без помех добралась до комнаты отдыха.

Скоро на бой должен был выйти один Юэ Синхэ; Линь Луси и остальные были здесь как группа поддержки.

— Синхэ, — спросил Линь Луси, ставя перед ним нераспечатанную баночку молока, — что Элиза тебе сказала?

Стоило ему на секунду потерять бдительность — и какая-нибудь «богиня» уже липнет к Юэ Синхэ. С ним, казалось, нельзя было расслабляться ни на миг.

Юэ Синхэ одной рукой открыл молоко и сделал глоток. Нежный молочный запах, мягкий вкус.

Вообще-то он никогда не был фанатом молока, но в последнее время — странное дело — оно перестало казаться неприятным.

Юэ Синхэ ещё не ответил, как Крис, развалившись на диване, провела ладонью по косе, которую плела утром полчаса, и фыркнула:

— Тут и спрашивать нечего. Конечно, приглашала капитана на свидание после боя. Ты, Линь Луси, сразу видно — любовного опыта ноль, даже такое не можешь понять.

Цинь Хао покосился на босса и пнул Крис:

— Хватит болтать. Вечно ты.

На новых брюках Крис тут же остался чёрный отпечаток.

— Ах ты... это же новые! — взвилась она. — Большой Камень, ты труп!

Они тут же сцепились — точнее, сцепилась Крис, а Цинь Хао был как гиря: сидел неподвижно, и когда она надоедала, просто нажимал ей пальцем в лоб, легко фиксируя, как непослушного котёнка.

Линь Луси подвинулся ближе и плюхнулся рядом с Юэ Синхэ так, что плечом задел его плечо.

— Эй, — спросил он настойчиво, уже по-настоящему, — ну скажи: что она тебе сказала?

Линь Луси знал, чего добивается Элиза, и хотел заранее придумать, как это перехватить. Пока она ещё не успела «врасти» в жизнь Юэ Синхэ.

— Или Крис права, и это правда свидание?

Он говорил серьёзно и ждал ответа так внимательно, что в его глазах, чистых, светлых — даже более прозрачных, чем у многих девушек, — отражался один Юэ Синхэ.

Юэ Синхэ допил молоко одним глотком, легко бросил пустую баночку — та, описав дугу, точно легла в мусорную корзину в углу.

— Ты так этим интересуешься... — сказал Юэ Синхэ ровно. — Тебе нравится Элиза?

И, не давая Линь Луси времени на возмущение, добавил спокойно, как приговор:

— Она тебе не подходит.

Линь Луси, конечно, не мог испытывать к этим девушкам никаких чувств — он слишком хорошо знал сюжет и слишком ясно видел, чем всё кончается. Он ведь думал о Юэ Синхэ, пытался уберечь его, пока ещё есть шанс: чем меньше у них общих моментов, тем меньше зародится эмоций, тем меньше вероятность, что потом начнётся тот кошмар, который он читал в книге.

А теперь его ещё и подозревают, будто он собирается «увести» у друга потенциальную девушку?

Да он же от такого обвинения чуть не лопнул изнутри.

Линь Луси мысленно завыл, обращаясь к потолку: Я стараюсь тут как проклятый — а меня же ещё и выставляют злодеем...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605963>